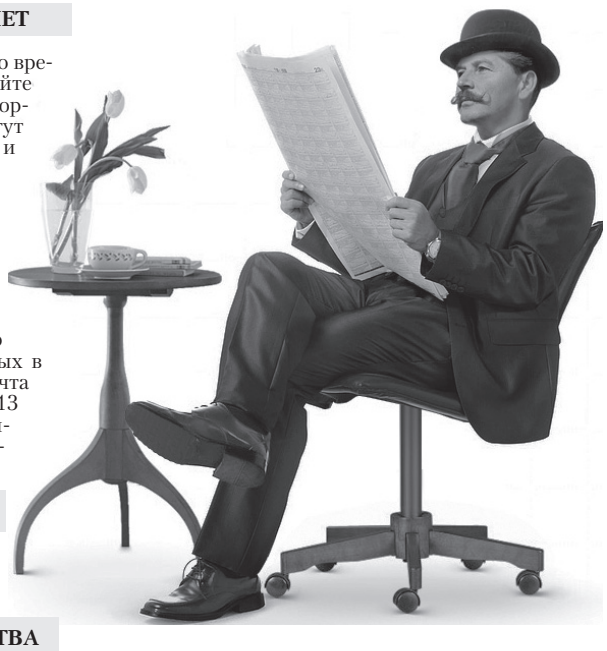
Только у нас

Будьте с нами - будьте на деловой волне!

Несколько простых способов подписаться на газету «Ульяновская правда»:



ПОДПИСКА ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

Теперь подписка не займет много времени. Подпишитесь онлайн на сайте www.vipishi.ru (выпиши.рф). Оформить подписку через Интернет могут читатели, проживающие в России и за рубежом.

Оплата подписки производится по «Каталогу подписки ON-LINE» платежной картой VISA/MasterCard, через терминалы QIWI или электронную наличность WebMoney.

Подписка по «Каталогу подписки ON-LINE» производится по номенклатуре изданий, включенных в «Каталог российской прессы «Почта России» на первое полугодие 2013 года. Параметры и условия подписки на издания остаются неизменными.

ПОДПИСКА В РЕДАКЦИИ

Любимая газета по выгодным ценам с получением номера в редакции.

ПОДПИСКА ЧЕРЕЗ АГЕНТСТВА

Многие из агентств организуют курьерскую доставку изданий. Этот способ подписки удобен тем, кто хочет быть уверенным в быстрой доставке желаемых изданий.

ПОДПИСКА В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ

Самый универсальный способ подписки подойдет тем из наших читателей, кто привык подписываться на почте.

Напоминаем также, что в любом почтовом отделении можно досрочно подписаться на газету «Ульяновская правда» на 1-е полугодие 2013 года. При этом стоимость подписки сохраняется на уровне прошлого подписного периода.

Досрочная подписная кампания осуществляется на условиях сохранения каталожной цены и стоимости доставки изданий, действующих во втором полугодии 2012 года.

Индекс	Наименование изданий	Цены на 1 мес.	Цены на 6 мес.	Цены в абон. ящик на 1 мес.	Цены в абон. ящик на 6 мес.
31780	«УЛЬЯНОВСКАЯ ПРАВДА» - (вт.)	36,00	216,00	34,35	206,10
54470	«УЛЬЯНОВСКАЯ ПРАВДА» 3-х раз.	143,35	860,10	138,29	829,74

Гончаров. Поиски и находки

(Продолжение. Начало в «УП» № 10 от 31 января, № 25 от 13 марта, № 34 от 3 апреля, № 37 от 10 апреля, № 40 от 17 апреля, № 42 от 24 апреля, № 48 от 15 мая, № 51 от 22 мая, № 54 от 29 мая, № 57 от 5 июня, № 62 от 19 июня, № 68 от 3 июля, № 80 от 31 июля.)

Снова на цензорской службе

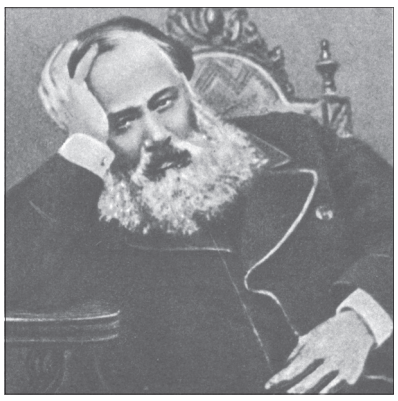
Жорес Трофимов

Согласно узаконенному порядку министр МВД, получив прошение Гончарова о предоставлении ему заграничного отпуска, возбудил ходатайство об этом перед императором. А после того как Высочайшее разрешение было получено, Валуев известил об этом петербургского генерал-губернатора князя А. А. Суворова-Рымникского, с тем чтобы его канцелярия выдала И. А. Гончарову заграничный паспорт. Меж тем служба романиста шла своим чередом - к 20 мая он представил в Совет по делам книгоиздания отзыв о 3-томной рукописи генерал-майора П. С. Лебедева «Сборник материалов, относящихся к состоянию России и российского войска при Екатерине II». Признаться, меня заинтриговало уже начало этого отзыва: «Прочитав все три тома «Сборника» и сличив отмеченные места рукописи с замечаниями цензурного комитета, я имею честь представить свои соображения, по которым полагал бы возможным без вреда допустить в печать некоторые страницы, указанные комитетом как сомнительные».

Неизвестно, сам ли Иван Александрович пожелал штудировать три тома рукописи в считанные дни, оставшиеся до отъезда на лечение за рубеж, или составление отзыва выполнял по поручению начальства. Но в любом случае он имел представление о генерал-майоре Петре Семёновиче Лебедеве, авторе книг о военном красноречии и о военной администрации, «Графы Никита и Пётр Панины», «Фельдмаршал Радецкий и его походы в Италию». Замечу, что ставка генерал-аншефа Петра Панина, главнокомандующего войсками против Емельяна Пугачёва, в 1774 году находилась в Симбирске невдалеке от дома Гончаровых.

Не вдаваясь во все подробности пространного отзыва романиста, выделю наиболее любопытные. Цензурный комитет затруднялся пропускать в печать то место рукописи Лебедева, где говорилось, что «генералы лишены возможности объясняться с государем, не имея к нему доступа, что служба флигель-адъютантов при дворе (и участие в дворских интригах) и при полках вредит последней». «Может быть, спустя 70 с лишним лет, - пишет Гончаров, - эти неудобства уже устранены и замечания эти к нынешним генералам и флигель-адъютантам и не относятся, но как вопрос об этом касается чисто военной специальности, то я полагал бы предоставить цензурному комитету принять в этом случае в соображение мнение военного цензора, равно как и по некоторым другим замечаниям о военной службе на стр. 455-456, не опуская однако же из вида, что некоторые подробности, мелкие исторические черты и заметки, кажущиеся обыкновенному читателю неважными или излишними, часто в глазах историка имеют особенную важность и цену...» .

В следующем месте своего отзыва, касающегося 2-го тома рукописи генерала Лебедева, Иван Александрович подчёркивает: «На стр. 64 должно быть, без сомнения, исключено выражение Екатерины о Митрополите Платоне, что он, будучи украшен бриллиантовым крестом в пол-аршина длиной, имел вид кременчугского павлина. Точно так же, по моему



пимости», напечатанной в конце прошедшего года в газете Краевского «Голос». В ней приводились факты преследования раскольников, с указанием на то, что недавно в России была объявлена царская воля о «свободе вероисповедания для старообрядцев». Тем не менее министр Валуев, заявив, что автор статьи в «Голосе» восстаёт «против правительства», потребовал предать Краевского суду, который мог приговорить известного либерального издателя-редактора к ссылке на каторжные работы...

14 января «С.-Петербургские ведомости» сообщили о начавшемся суде над Краевским. А спустя два дня, в воскресенье, товарищ (заместитель) министра Тройницкий устроил у себя дома вечер, на который собралось много гостей. Среди собравшихся звучали и голоса с «сильным неодобрением» суда над Краевским. Академик Никитенко был на этом вечере и в дневнике записал: «Сам товарищ министра видит большой промах в этом деле со стороны министерства. Он с жаром выговаривал это И. А. Гончарову, который был тут же и отвечал, что же ему было делать? У него ни горла, ни лёгких не хватило кричать против решения совета, да и притом, как тут поступать, когда делается внушение свыше, то есть со стороны министра. Тройницкий сильно напал на это последнее выражение. Мне даже жаль стало бедного Гончарова»[8].

Трудно даже представить себе обычно невозмутимого романиста кричащим в прениях на заседании Совета по делам печати. Некоторым утешением для него стали слухи, что мнения в суде по делу о Краевском разделились. «Одна часть судей, по словам Никитенко, не находит решительно никаких поводов к его обвинению, а другая полагает приговорить его к 25 рублям штрафа. Во всяком случае, выходит, что Валуев потерпел жестокое поражение. Общий голос в публике и суде против него и против его чиновников. Не постигают, как можно было поднять всю эту бурю и написать такое нелепое обвинение с подведением законов, не имеющих ни малейшего отношения к делу» .

В воскресенье 23 января на вечере у Тройницкого Гончаров свёл Никитенко с председателем Совета по делам печати М. П. Щетининым, который жаловался академику на тяжкое бремя председательства, а также на то, что суды их не поддерживают. Что касается Ивана Александровича, то эта нашумевшая эпопея наверняка скажется в будущем году, когда придётся принимать окончательное решение об уходе с государственной службы. Несомненно и другое. В сложившейся напряжённой обстановке ему труднее стало добиваться замены жёстких мер, предлагаемых московским или столичным цензурными комитетами в отношении «провинившихся» перед властями либеральных периодических изданий, на более мягкие. Так, в отзыве от 7 февраля 1866 года на № 12 журнала «Русское слово» за прошлый год Гончаров отмечает, что книжка «почти со всеми статьями, в ней помещёнными, представляет замечательный образец журнальной ловкости - остаться верною принятому направлению, не подавая поводов к административному преследованию». И предлагает Совету не применять к журналу репрессивных мер, отсрочив их «до первейшего повода». Однако уже через девять дней бдительные члены Совета нашли повод в № 1 за 1866 год (роман «Засренные дороги» А. Михайлова, повесть «Перед рассветом» Н. Благовещенского и стихотворение «Боярин» И. Кроля), и издание «Русского слова» было приостановлено на 5 месяцев[9]. На заседании Совета 23 марта при обсуждении передовой статьи в № 61 «Московских ведомостей» Иван Александрович выступил против объявления предостережения этой газете, а уже 26 числа оно было объявлено.

4 апреля около трёх часов дня, когда Александр II после прогулки в Летнем саду садился в коляску, в него стрелял из пистолета вольнослушатель столичного университета Дмитрий Каракозов. В это же время, не зная о попытке покушения на жизнь царя, на за-

[8] *Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 гг.. СПб., 1904. С. 451.*

[9] *Там же. С. 14*

искренне желал большей свободы для печати в изложении различных точек зрения по сложным вопросам литературы, науки и общественной жизни.

22 мая Совет по делам книгоиздания рассмотрел этот отзыв романиста и принял его к сведению. Так что Иван Александрович с сознанием честно выполненного долга готовился к отъезду в заграничный отпуск, намеченный на вторник 1 июня. И на сей раз он отправлялся в Мариенбад, где восемь лет назад удалось в фантастически короткий срок написать важнейшие главы своего второго романа, главным героем которого являлся Илья Ильич Обломов. В хорошо знакомом курортном городке романист устроился хорошо, ибо никто не нарушал благодатной тишины, и, говоря его словами из письма к Софье Александровне Никитенко от 28 июля, «написал добрый том», после чего отправился в Париж, где прочёл его Ивану Ивановичу Льховскому. Старый друг, несмотря на нездоровье и хлопоты, связанные с намеченным переездом в известный водолечебный курорт в прусском городке Эмс, «горячо отозвался на эти сцены, явления и чувства, которые так свободно вылились у меня! Ещё бы полтома, то есть моих 15-16 листов, - продолжал Гончаров в письме к Софье Александровне, - и я дома, то есть роман («Обрыв». - **Ж. Т.**) кончен!»[3]. Отдохнув десяток дней в Париже, Иван Александрович оставшиеся три недели отпуска, ради морских ванн, проводит в Булони, где надеялся продолжить и работу над романом. Но, увы, не удалось. «Представьте, - горестно сетовал он в письме к С. Никитенко, - что в эту минуту едва могу писать это письмо: и коляски, и телеги со звонками - и чёрт знает что ещё прыгает и скачет по мостовой!» .

К концу отпуска романист, естественно, задумывался о грядущих переменах на службе. В письме к отцу Софьи Александровны - Александру Васильевичу - он интересовался «слухами о новом цензурном порядке». Неизвестно, что ответил академик, а вот из архива Совета по делам книгопечатания видно, что 15 августа 1865 года произошло перераспределение периодических изданий между членами Совета. Ивану Александровичу досталось 13 изданий, среди которых остались некрасовский журнал «Современник», аксаковская газета «День» и журнал «Эпоха» Достоевского. Освободили же его от чтения библиографического журнала «Книжник» А. Ф. Черевина и «Народной летописи - газеты политической, экономической и литературной», издававшейся 2 раза в неделю только в 1865 году Дмитрием Дмитриевичем Ашхарумовым. Не исключено, что Иван Александрович слышал об этом писателе ещё в 1848 году, когда тот, студент университета и приверженец идей утопического социализма, как и братья студенты Майковы, за посещения кружка М. В. Петрашевского попал под суд.

Среди новых изданий, порученных наблюдению Гончарова, оказались ежемесячный художественный журнал «Картинная галерея Европы», выпускаемый основателем известнейшей столичной книготорговой и издательской фирмы Маврикием Осиповичем Вольфом, «Историческая картинная галерея», «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в русском переводе», издаваемое писательницей и переводчицей Еленой Николаевной Ахматовой. Если учесть, что Евгения Майкова, супруга живописца-академика, публиковала свои произведения в «Библиотеке для чтения» и «Отечественных записках», то Иван Александрович от неё мог слышать о творчестве Ахматовой. К этой группе изданий уместно присоединить и детский журнал «Забавы и рассказы» - детище Вольфа. Ведь из воспоминаний современника известно, что наш романист довольно регулярно посещал магазин-читальню Вольфа на Невском проспекте, и Маврикий Осипович обычно сам знакомил романиста с поступившей зарубежной литературой и разрешал такому аккуратному посетителю брать домой для чтения любую заинтересовавшую его новинку. Знал, конечно, Вольф и о его глубоком интересе к литературе по искусству. Невольно рождается предположение: не Маврикий ли Осипович попросил кого-то из руководителей Совета о поручении Гончарову наблюдения за этими изданиями?

Уверен, что Иван Александрович с интересом будет просматривать порученные ему ежемесячный столичный музыкальный журнал «Нувеллист», издававшийся фирмой Бернард, а также ежедневную московскую газету «Театральные афиши и Антракт», издававшуюся А. Н. Баженовым. Заслужат его внимания как давнего книголюба исторический журнал «Русский архив», выходивший в Москве под редакцией Петра Ивановича

[3] *Там же. С. 41.*